Панченко Олег

Старообрядческое движение на Соловках при царе Алексее Михайловиче (по рукописным источникам)

Соловки – это особое духовное пространство на удаленных островах в Белом море, где связь мира земного и мира небесного ощущается особенно остро. Об этом, в частности, писал Д. С. Лихачев: «Соловецкие острова – место, где ощущение творящего Бога и временности человеческого постоянно поддерживается сменами времен года, ритмом суток, <…>, многообразием ландшафтов, ощущением длительности истории этих мест».[1] Такие места всегда притягивали к себе людей особого склада – духовно одаренных деятельных, таких как, например, патриарх Никон или его учитель Елеазар Анзерский (рис. 1), под руководством которого Никон принял монашеский постриг в Анзерском скиту на Соловецких островах.[2] Поэтому, несмотря на свою крайнюю удаленность от мира, Соловки часто оказывались на перекрестке судеб исторически значимых личностей, чьи поступки определяли духовный вектор русской истории.[3] В эпохи общественных кризисов Соловки нередко становились одним из главных духовных центров нации.

Так было в середине XVI века – во времена соловецкого игумена Филиппа Колычева, выступившего против опричного террора царя Ивана Грозного. Так же было и в середине XVII века – в эпоху церковной Смуты. Тогда Соловки и стали главным центром сопротивления в защиту «старой веры» (а, по сути, в защиту *свободы веры* как таковой).

Размышляя о причинах, побудивших соловецкую братию к сопротивлению, наш ведущий специалист по истории старообрядчества Е. М. Юхименко писала: «Соловки стали единственным русским монастырем, который открыто выступил против нововведений. Такие часто бытующие в литературе мнения, как отдаленность от центра, «своеволие» руководителей, пропаганда разинцев, на наш взгляд, не объясняют того

---

[1] *Лихачев Д. С.* Воспоминания. Изд. 2-е. СПб., 1997. С. 230.

[2] Иногда в таких местах люди оказываются не по своей воле, а промыслом Божиим (как, например, ссыльный Арсений Грек или афонский архимандрит Феофан, о котором я расскажу в следующем докладе).

[3] Ирония судьбы заключалась в том, что на Соловках оказались дивно переплетены судьбы людей, оказавшихся в эпоху реформ на прямо противоположных полюсах. С одной стороны – судьба патриарха Никона и его ближайшего помощника переводчика Арсения Грека; с другой – соловецкого инока Епифания, пламенного защитника старой веры, который затем был сослан в Пустозерский острог и стал духовным отцом протопопа Аввакума.

факта, почему соловецкая братия, вполне отдавая отчет в своих действиях, оказала сопротивление царю и патриарху. <…> Приученная к стойкости суровой северной природой и примером митрополита Филиппа, монастырская братия предпочла верность старой традиции, традиции святых соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, почтению к высшим земным властям». [4]

Об этом же говорил и другой замечательный знаток русского старообрядчества С. А. Зеньковский, который утверждал, что Соловки ясно «осознавали *превосходство духа над материализмом государства*».[5] По-видимому, это и стало основной причиной того, что Соловки не только не приняли реформ патриарха Никона, но и отказались повиноваться земному царю, – сохранив верность Царю Небесному.

***

Каковы же были наиболее характерные черты старообрядческого движения на Соловках при царе Алексее Михайловиче? Прежде всего, оно носило ярко выраженный эсхатологический характер.

«Видите, братия, последнее время настало...»

Когда в 1657 г. на Соловки были присланы из Новгорода новые Служебники, изданные патриархом Никоном, соловецкий архимандрит Илья велел отнести их в казенную палату и запереть. Через год, собрав всю монашескую братию, он обратился к ней со словами: «Видите, братия, *последнее время* [*настало*], и восстали новые учителя, и от веры православныя и от отеческаго предания нас отвращают».[6]

Церковную реформу Никона соловецкий архимандрит и вся братия воспринимали через призму «последних времен» и отступления от веры, вслед за которым должен прийти антихрист.[7] Согласно предсказанию «Книги о вере» (1648) это могло произойти в

---

[4] *Юхименко Е. М.* Старообрядческая история Соловков // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 289.

[5] *Зеньковский С. А.* Старообрядцы и Соловецкий монастырь // Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Т. 1–2. М., 2006. С. 693.

[6] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. Т. 3. Акты, относящиеся к истории Соловецкого мятежа. М., 1878. С. 9.

[7] Подробнее об эсхатологических настроениях во второй половине XVII в. см.: *Опарина Т. А*. Число 1666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // Человек между Царством и Империей: Сб. материалов междунар. конф. / Под ред. М. С. Киселевой. М., 2003. С. 287–316; *Гурьянова Н. С.* Об

1666 г. Одна из глав «Книги о вере» так и называлась: «О антихристе и о скончании мира, и о Страшном Суде, свидетельства от Святаго Писания».[8] В ней излагалась теория о «трех отступлениях» от Церкви Христовой. В 1000 году отпала Римская церковь, будучи поражена «поветрием тяжким». Спустя 595 лет в Малой Руси к Римскому костелу отступили униаты. И, наконец, в 1666 г., согласно «Книге о вере», может произойти «последнее отступление от истиной веры», и тогда подобает быть готовыми «на брань с самим дияволом».[9]

Поэтому и предпринятую Никоном правку богослужебных книг соловецкая братия восприняла как третье отступление от веры к Римскому костелу, совершающееся в Московском государстве. Не случайно в заключение своей речи соловецкий архимандрит со слезами воззвал: «Помолитеся, братия, чтоб Бог сподобил в православной вере умереть, якоже и отцы наши, и *чтоб латынской службы не принимать*».[10]

«*Пала вера Христова Никоном* и *Арсеном...*»

Как рассказывает в своем «Житии» соловецкий инок Епифаний, «тогда у нас в Соловецком монастыре святии отцы и братия начаша тужити и плакати горько и глаголати сице: “Братия, братия! Увы, увы! Горе, горе! Пала вера Христова, якоже и в прочихъ земляхъ, в Земли русской, *двема врагама Христовыми*, *Никоном* и *Арсеном*”» (*см. иллюстрацию*).[11] Имелись в виду, конечно, патриарх Никон и переводчик Печатного двора Арсений Грек. Их обоих хорошо знали на Соловках и считали теперь «*врагами Божиими*» и «*предтечами антихриста*», призванными обратить православных в латинскую ересь.[12]

эсхатологических построениях соловецких иноков // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2012. С. 29–43.

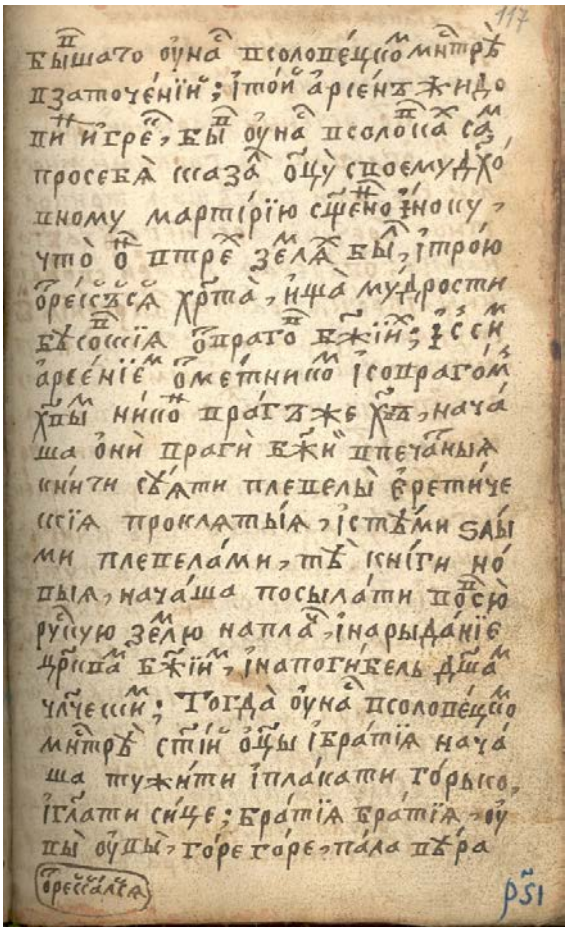
[8] Книга о вере. М., 1848. Глава 30. л. 267 об.–283.

[9] Книга о вере, л. 271.

[10] Материалы по истории раскола... Т. 3. С. 9.

[11] Житие инока Епифания // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17. С. 230.

[12] Об этом ясно говорит сам инок Епифаний в начале своего Жития: «И как грех ради наших попустил Бог на престол патриаршеский наскочити Никону, *предотече антихристову*, он же, окаянный, вскоре посадил на Печатной двор *врага Божия* Арсения, жидовина и грека, еретика, бывшаго у нас в Соловецком монастыре в заточении» (Там же. С. 229–230).



Житие инока Епифания Соловецкого (автограф).

Патриарх Никон, как уже было сказано, принял монашество на Соловках – на Анзерском острове, у знаменитого подвижника Елеазара Анзерского. Но уже через три года он поссорился с учителем и бежал на материк. На Соловках же осталась память о гордом и властолюбивом характере Никона.

Что же касается переводчика Печатного Двора Арсения Грека, то он тоже провел на Соловках несколько лет в ссылке. Здесь же он признался на исповеди духовнику, что ему пришлось трижды отрекаться от православия – во время учебы в Италии, а затем в Турции и Польше, где он становился то католиком, то мусульманином, то униатом (что было обычным для греков, стремившихся получить университетское образование на Западе). Естественно, что такого человека на Соловках считали вероотступником и еретиком.[13]

Освободил Арсения из соловецкой ссылки патриарх Никон, когда он прибыл на Соловки в 1652 г., чтобы увезти в Москву величайшую духовную святыню монастыря –

[13] Вот как об этом рассказывает инок Епифаний: «И той Арсен, жидовин и грек, быв у нас в Соловках, сам про себя сказал отцу своему духовному Мартирию священноиноку, что он в трех землях был, и трою отрекался Христа, ища мудрости бесовския от врагов Божиих» (Житие инока Епифания. С. 230).

мощи святителя Филиппа Колычев. Соловецкая братия не могла противиться воле властолюбивого владыки, который таким образом приобретал себе авторитет в глазах царя, но горькое воспоминание об этой обиде на Соловках осталось (см. иллюстрацию).

Перенесение мощей было устроено Никоном как театральное действо: стоя у гробницы Филиппа, он прочитал обращенную к нему грамоту царя Алексея Михайловича, который каялся перед святителем за грех своего «прадеда» (Ивана Грозного), тайно приказавшего его умертвить.[14] Визит Никона на Соловки запомнился еще и тем, что он взял в монастыре якобы «взаймы» тысячу рублей денег, золотую застежку с яхонтом и изумрудом (вклад татарского царевича Симеона Бекбулатовича), панагию с драгоценными камнями и золотой цепью, да еще 7 книг из монастырской библиотеки (за которые, впрочем, расплатился деньгами).

В том же 1652 г. году митрополит Никон взошел на патриарший престол. На Соловках было известно о том, он получил патриаршество *по воле царя*, а *не по воле Божией*, поскольку при выборах была нарушена обычная процедура избрания в патриархи – по жребию (из нескольких кандидатов). Никона же царь выбрал единолично.[15]

Никон явно недолюбливал Соловецкую братию.[16] В 1656 г. он создал на Белом море Онежский Крестный монастырь, которому передал часть беломорских владений Соловецкого монастыря – с принадлежавшими ему промыслами и людьми.[17]

Став патриархом, Никон дважды пытался сместить с настоятельства соловецкого архимандрита Илью, отчего монашеской братии пришлось дважды посылать на утверждение в Москву его преемников. Одного из них (бывшего книгохранителя *Никанора*) царь назначил настоятелем в царский Саввино-Сторожевский монастырь. Другого – священноинока Мартирия – не утвердил по старости, оставив, в конце концов, во главе Соловецкого монастыря архимандрита Илью.

---

[14] Смирение царского сана перед церковной властью входило в политическую программу митрополита Никона, который вскоре стал патриархом.

[15] Известие об этом сохранилось в Хронографе известного соловецкого книжника Сергия Шелонина «В него же место царскою властию возведен бысть на патриаршеский престол Рускиа митрополиа Никон...» (*Панченко О. В.* Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 385, сноска 78).

[16] Будучи еще митрополитом Новгородским, Никон мелочно придирался к соловецкой братии и жаловался на нее царю, так что управляющий соловецким подворьем в Москве во всеуслышание называл его «жалобщиком» и «врагом Соловецкому монастырю». Став затем патриархом, Никон вывел из подчинения Соловецкому монастырю Анзерский скит.

[17] *Сырцов И. Я.* Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Кострома, 1888. С. 18.

Неприятие церковных реформ патриарха Никона

Соловецкие власти долго терпели «обиды» со стороны Никона, пока дело не дошло до главного, когда Никон изменил «Символ веры», отменил двуперстное знамение и покусился на богослужебные книги. Все это, в их глазах, свидетельствовало о том, что он и есть один из предтеч антихриста, который должен был вскоре, по предсказанию «Книги о вере», поколебать Русскую церковь.

Опасаясь открыто выражать свое несогласие, соловецкие власти оказывали тайную поддержку ревнителям “старой веры”, подвергшимся гонениям от патриарха. В 1655 г. архимандрит Илья с почетом принимал беглого протопопа Ивана Неронова сосланного Никоном в Кандалакшу, откуда он затем бежал. Соловецкий архимандрит снабдил беглеца всем необходимым и проводил в путь со словами: «Одолевай, страдалец, когда на тебя нападают! Подвизайся, храбрый воин!»[18] Когда об этом донесли патриарху Никону, он запретил архимандриту Илье совершать священнослужение.

В это же время другой соловецкий постриженик – архимандрит Никанор (которого царь назначил настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря) укрывал там другого известного проповедника “старой веры” – попа Лазаря. Иначе говоря, соловецкая братия повсеместно поддерживала старообрядческую оппозицию патриарху Никону.

И дело было вовсе не в их «обрядоверии», как считают некоторые историки, а именно в *живой вере*, которая использует обряды и символы (например, восьмиконечный крест или двуперстное знамение). Нужно помнить, что в христианских символах выражаются вероучительные догматы. Например, в двуперстном крестном знамении – догматы о богочеловечестве Христа, о Его воплощении, распятии и воскресении, а также о Страшном Суде Божием. Все эти смыслы разъяснялись, например, в статье «О крестном знамении» и в «Феодоритовом слове о сложении перст», помещавшихся в предисловии к простой Псалтыри – основной учебной книге в XVII веке.[19] Поэтому нельзя было просто *заменить* один символ другим (как это сделал патриарх Никон), поскольку этим разрушалась вся система связанного с ними вероучения. Замена традиционных символов

[18] Записка о жизни Ивана Неронова // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17. С. 50–.

[19] В 1641–1650 гг. вышло 5 изданий простой Псалтыри со статьей «О крестном знамении»; см.: *Вознесенский А. В.* К истории дониконовской книжной справы // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 149. Эти же статьи были помещены в «Кирилловой книге» (М., 1644, гл. 14) и в «Книге о вере» (М., 1648, гл. 9).

означала для человека XVII в. отказ от старого вероучения и принятие некоей «новой веры» (как системы смыслов).

Поэтому, повторю еще раз, реформы Никона имели отношение не столько к обряду, сколько к самой *вере* – к живому религиозному *мировоззрению* людей, связанному с определенной системой символов.

Впрочем, никоновская правка коснулась и самого «Символа веры», а именно догмата об именовании Духа Святого «*Господом истинным и животворящим*», из которого было исключено определение Духа как *«истинного»*. Принятие этого исправления означало для верующего человека отказ от признания «*истинности*» Святого Духа, т. е., по сути, *отречение* от Него. Примечателен в этом отношении рассказ инока Епифания Соловецкого о допросе в Пустозерском остроге, который учинил ему следователь. На вопрос его: «Веруешь ли в Духа Святаго *неистиннаго*?» – Епифаний с чистым сердцем ответил: «Верую “в Духа Святаго, Господа *истинного* и животворящего”».[20] После чего, по царскому указу, ему вырезали за богохульство язык и отсекли часть кисти правой руки. Так что, как видим, речь шла вовсе не об «обрядоверии», а о страдании *за веру* исповедников Христовых от нечестивого царя.

«Собрание против новых книг» Геронтия Соловецкого

Новый этап противостояния Никоновским реформам начался после присылки на Соловки «новоисправленных» Служебников. Реакция соловецких книжников на «исправление» книг была острой. Для богословского и филологического исследования исправленных текстов были мобилизованы лучшие интеллектуальные силы монастыря. Дело было поручено известному книжнику Сергию Шелонину, которым был создан компилятивный «антиреформенный» сборник (1658 г.), включавший статьи о крестном знамении, о коленопреклонении, о печатях на просфорах и т.п.[21] В создании сборника ему помогало 12 писцов. Кроме того, Сергий Шелонин включил тетрадь с выписками аналогичного содержания в конвой своего Азбуковника (Сол., № 18/18).[22] Одновременно с Сергием другой соловецкий книжник Герасим Фирсов написал обширный Трактат о двуперстии. [23]

---

[20] Житие инока Епифания // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17. С. 250.

[21] *Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII века Сергий Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 360–378.

[22] Там же. С. 397–408.

[23] *Никольский Н. К.* Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам. Пг.,

Затем, в 1660-е годы, продолжателем богословской линии в соловецкой книжности стал священноинок Геронтий – главный идеолог соловецких старообрядцев. В 60-е годы он составил обширный богословский трактат под названием «Собрание против новых книг».[24] На основе этого трактата он написал Пятую соловецкую челобитную «о вере» (1667 г.) – самый известный полемический труд соловецких старообрядцев.[25]

Геронтий нисколько не сомневался в наступлении царства антихриста и, ссылаясь на авторитет «Книги о вере», писал: «К сему же и в книге, яже “О вере”, московской печати, на листу 3-м пишет известно, кроме всякого сомнения, яко ныне настоящее *последнее время* нарицает списатель <…> и со 166 году осмыя тысящи в конечном опасении нам быти повелевает («О вере», л. 271). Еже бо и збысться, занеже вся церковныя раздоры и в вере конечное разделение с того времени у нас бяше».[26] Чтобы не дать соблазнить себя антихристу, считал Геронтий, нужно «держаться предания» святых отцов. В своем трактате он часто цитирует слова апостола Павла: «Братие, *стойте и держитеся предания*, имже научистеся» [т.е. которым были научены. – *О.П.*]; «Аще и ангел будет вам благовестити, паче иже приясте, анафема да будет».[27] Ссылается он и на слова Иоанна Златоуста: «Еже отеческаго благочестиваго *предания отступити* – Бога есть отступити».[28]

Трактат Геронтия дошел до нас в двух списках. Один – черновой – принадлежал самому Геронтию. Другой – беловой – он выполнил для бывшего Саввино-Сторожевского архимандрита Никанора, который в 1660 году возвратился на покой в Соловецкий монастырь. Поэтому второй список более известен под именем Никаноровский сборник. В нем сохранились автографы обоих названных книжников. Почерком Геронтия сделаны маргиналии на полях книги, а также примечание на последнем листе о составе сборника *(см. иллюстрации*).

1916. С. 145–196 (ПДПИ. Т. 188).

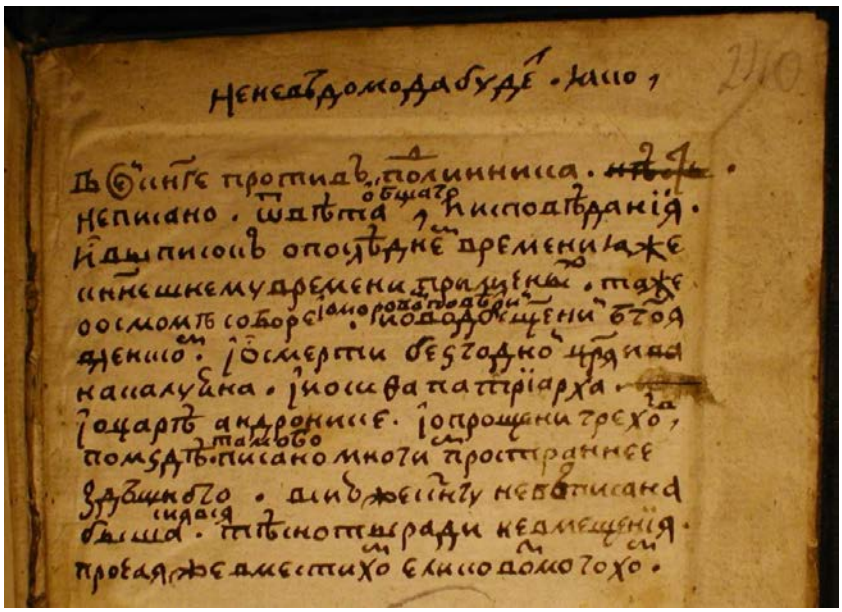
[24] Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне / Составитель Н. Ю. Бубнов. СПб., 2006. С. 11–302.

[25] Пятая соловецкая челобитная опубликована в кн.: 1) Материалы для истории раскола... Т. 3. С. 213–275; 2) *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. С. 301–330.

[26] Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого... С. 274–275. Ссылаясь на указанную в «Книге о вере» дату 1666 г., Геронтий приводит ее в своем трактате не совсем точно: 7166 г. (что соответствует 1658 г.). Но в тексте Пятой соловецкой челобитной о вере эта ошибка была им исправлена.

[27] Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого... С. 260–261, 292.

[28] Там же. С. 261, 285.

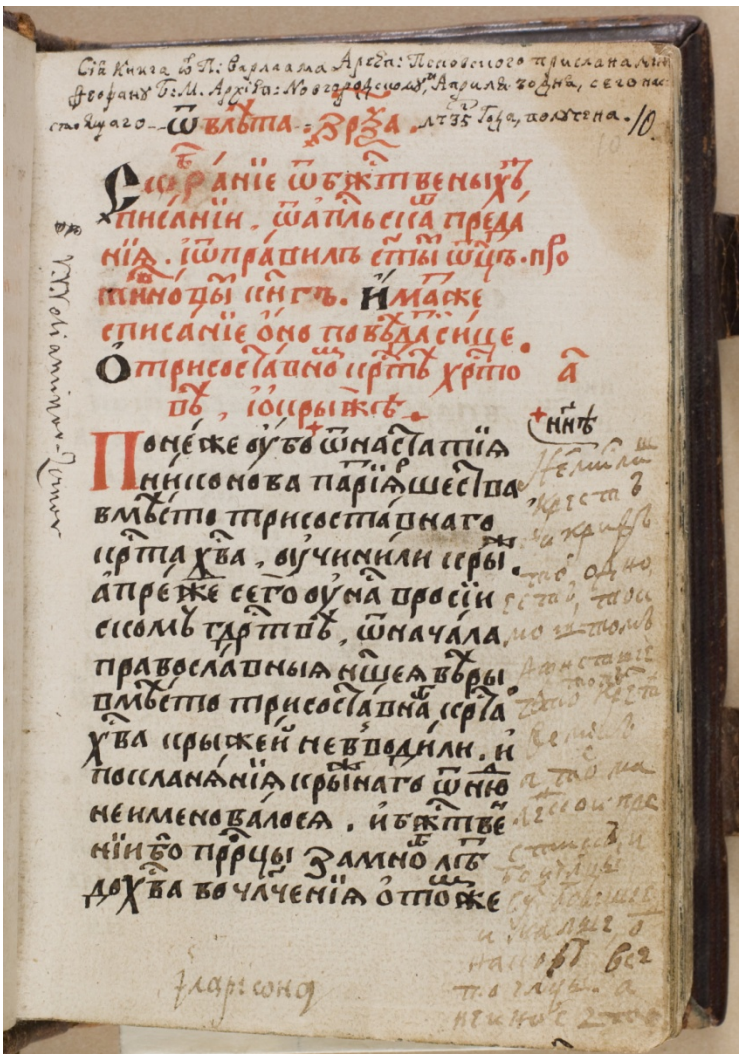


Никаноровский сборник. Автограф священноинока Геронтия.

Почерком Никанора переписана большая часть книги. Им же добавлены в конце еще несколько исторических статей (отсутствовавшие в его протографе). В число их входит, например, «Рукописание шведского короля Магнуса» – произведение, которому посвятил свою монографию досточтимый профессор Накадзава.[29] Особое внимание профессор Накадзава уделил содержанию исторических статей Никаноровского сборника и установил, по какому принципу они были отобраны. Оказалось, что Никанора больше всего интересовали две исторические темы: тема «иностранных посольств» и тема «состязания двух вер» – православия и католичества – для подтверждения превосходства первой из них.[30]

[29] *Накадзава А.* Легендарное «Рукописание Магнуша»: Исследование и тексты. СПб., 2003.

[30] *Накадзава А.* Легендарное «Рукописание шведского короля Магнуса» в соловецком сборнике XVII в. (из комментариев к Никаноровскому сборнику) // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 309–313.



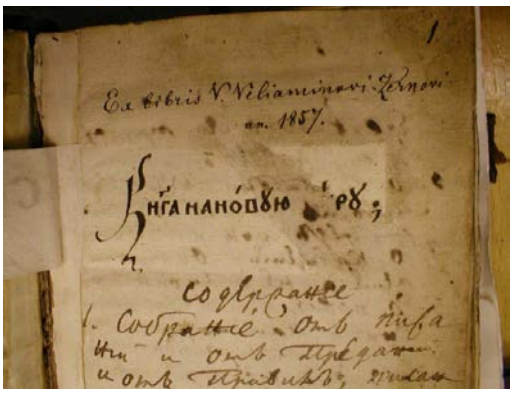
Никаноровский сборник.
Автограф архимандрита Никанора

Следует отметить, что в своем экземпляре Никанор по-новому озаглавил сборник: «*Книга на новую веру*» (*см. иллюстрацию*).[31] Таким определением – «*новая вера*» – соловецкие книжники иронически именовали *никоновские реформы* в целом. Например, Геронтий писал с иронией о никонианах, что, мол, *новые учителя обрели новую веру* и учат ей заново русский народ, словно некрещеных мордву или черемису, «будто мы и наши отцы (принявшие крещение 700 лет назад) истинной веры не знали».[32]

---

[31] Позднее Никанор заменил это название другим: «*Списание о благочестии*» (см. иллюстрацию).

[32] «И учат нас ныне сызнова новой вере, якоже мордву или черемису, аки отнюдь не знающих закона Божия и православныя християнския веры. <…> «Обретохом – глаголюще – веру истинную». А до сей поры бутто мы и отцы наши, лет с седмъсот будучи, истинные веры до них не знали» (Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого... С. 234–235, 264).



«Книга на новую веру». Никаноровский сборник.

Сборники рассказов о чудесах и «знамениях»

С возвращением на Соловки архимандрита Никанора вокруг него также сложился круг книжников, среди которых самым заметным был его ученик дьякон Иеремия (*см. иллюстрации*).[33]

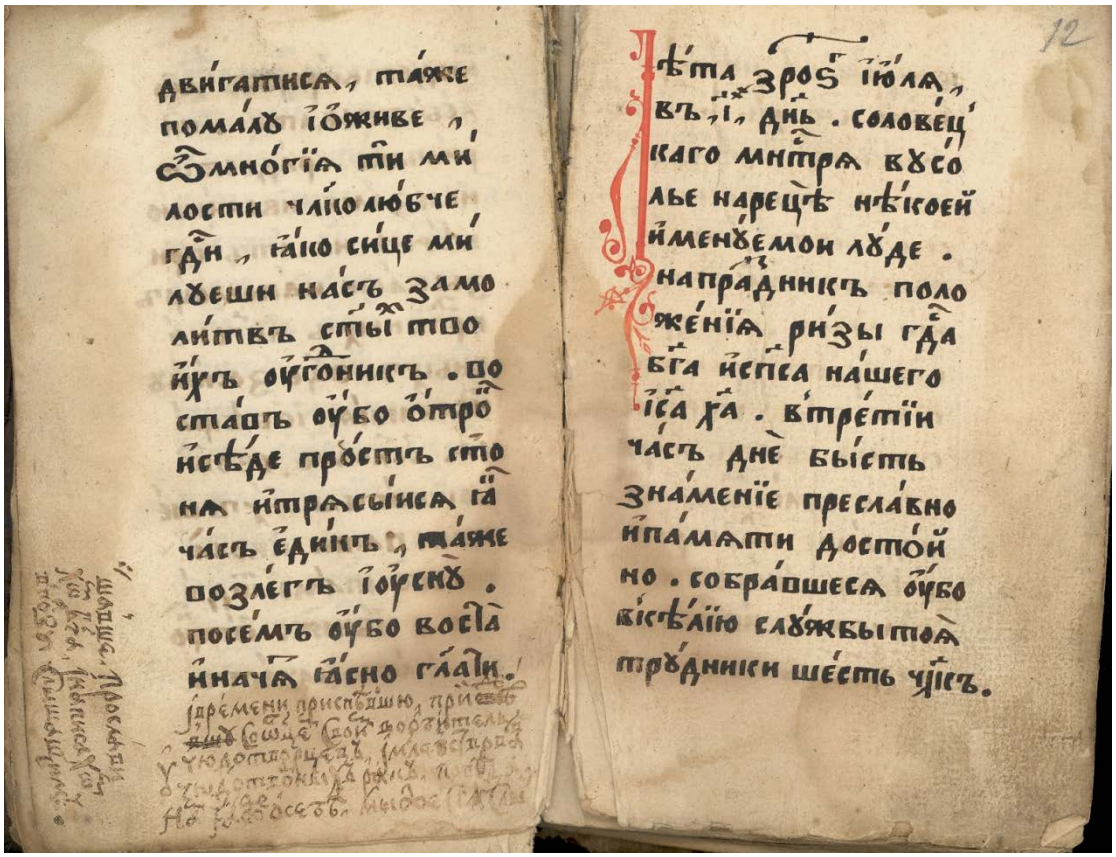
Но если Геронтий был нацелен, главным образом, на кропотливое сопоставление книг Никоновской печати с древними рукописными книгами, то кружок Никанора занимался защитой старой веры другим способом – собирая и распространяя сказания о *новых* чудесах древних святых и Богородичных икон *в качестве свидетельства об истинности старой веры, не оскудевающей чудесами*.[34] Одновременно они записывали рассказы паломников о грозных небесных «знамениях», свидетельствующие о наступлении «последних времен». В начале 60-х гг. XVII в. у соловецких старообрядцев еще сохранялась надежда на то, что царь отменит церковные реформы Никона и позволит им служить по-старому. Поэтому соловецкие сказания того времени носят агитационный характер, утверждающий истинность старой веры.

---

[33] *Панченко О. В.* Книгохранитель и уставщик черный дьякон Иеремия: (Из истории соловецкой книжности XVII в.) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 336–370.

[34] Этот же «аргумент чудотворений» в качестве доказательства истинности старой веры был приведен в Пятой соловецкой челобитной о вере: «И аще бы, государь, наша православная христианская вера неправа, то бы, государь, и милости и чюдес от тех чюдотворных икон не было, <…> и преподобных и богоносных отец наших Господь Бог во святых чюдесы не бы прославил...» (*Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. С. 323). Затем его вновь повторили в «отписке» к царю Алексею Михайловичу от 23 февраля 1668 года: «К сему же, государь, многие ныне у нас явныя чюдотворения от Пречистыя Богородицы и угодников ея, преподобных отец наших, во обители нашей, в Помории, в Сумском остроге и в Анзерской пустыни яве содеваются...» (Материалы для истории раскола... Т. 3. С. 314–315).

До нас дошло несколько подобных сборников с чудесами, созданных в кружке архимандрита Никанора.[35] В большинстве из них присутствуют следы редакторской деятельности его ученика – дьякона Иеремии[36] (*см. иллюстрации*).



Редакторская правка дьякона Иеремии на полях рукописи.
Сборник чудес Зосимы и Савватия Соловецких (ИРЛИ, Карельское собр., № 11).

Сказание о иконе Богородицы,
благословляющей древним знамением

Одно из таких сказаний, датируемое началом 60-х гг., посвящено утверждению основного символа старой веры – двуперстного знамения – самой Богородицей. В нем рассказывается о том, как одному из русских пленников по имени Иван Лянгусов, попавшему в плен к татарам, явились во сне два ангела и показали ему икону Богородицы Одигитрии, на которой и Богородица, и Младенец благословляли древним знамением – «крестообразно в сложении пяти перст, по древнему преданию святых отец» (*см.*

[35] *Панченко О. В.* 1) Соловецкий сборник повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 444–464; 2) Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Там же. С. 465–472.

[36] *Панченко О. В.* Книгохранитель и уставщик черный дьякон Иеремия... С. 336–370.

иллюстрацию).[37] Ангелы пообещали ему освобождение из плена с условием, что он закажет такую же икону и отнесет ее на Соловки. После этого Иван Лянгусов бежал из плена и выполнил свое обещание. Для путешествия на Соловки он подписал «челобитную» у епископа в своем родном городе Вятке, которая служила ему своеобразным «пропуском» по городам и весям Российского государства. Добравшись на Соловки, он передал икону архимандриту, который торжественно встретил ее и установил на почетном месте в соборе (*см. иллюстрацию*).

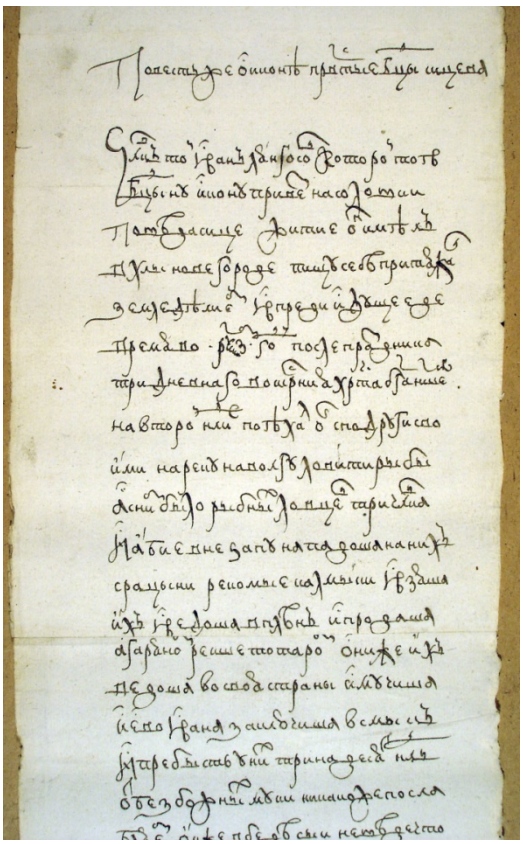
Икона Одигитрии из Седмиезерной пустыни под Казанью, благословляющая старообрядческим знамением

.

Это сказание было очень популярно на Соловках в 60-е годы XVII в. До нас дошло четыре его литературные редакции, представленные в разных типах сборников, два из которых происходят из кружка архимандрита Никанора (в обоих сборниках сохранились автографы его ученика дьякона Иеремии).

Текст первоначальной редакции сказания, записанной со слов Ивана Лянгусова, дошел до нас в форме документа – «столбца» (*см. иллюстрацию*), который был отправлен на монастырское подворье в Москву для устного распространения этой истории в столице.

[37] В качестве иллюстрации нами использована икона Одигитрии из Ферапонтова монастыря (письма Дионисия), относящаяся к тому же редкому иконографическому типу с «благословляющей» десницей.

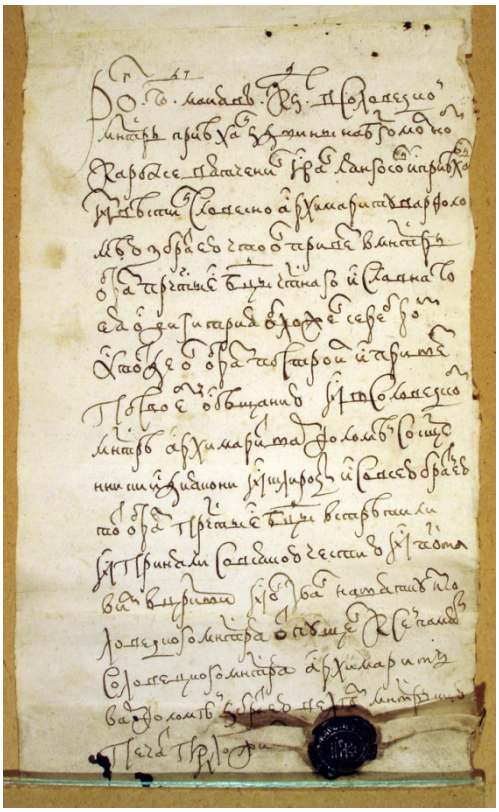


«Столбец» с Первоначальной редакцией Повести об иконе Одигитрии, благословляющей двуперстным знамением

Кроме того, сохранилось еще несколько документов, подтверждающих достоверность этой истории: 1) «челобитная» Ивана Лянгусова на имя Вятского епископа с печатью из епископской канцелярии; а также 2) выданное Ивану Лянгусову удостоверение о доставке им иконы на Соловки, на котором стоит печать соловецкого архимандрита (*см. иллюстрации*).

Впрочем, после недавней находки упомянутого мной «столбца» оказалось, что в первоначальной редакции сказания ничего не было сказано о старообрядческом сложении перстов на иконе Богородицы. Основной акцент в редакции «столбца» был сделан на другом – на идее об особом покровительстве Богоматери Соловецкому монастырю и об избрании ею Соловецкой обители как «дома Богородицы». Согласно тексту этой редакции, «в последние дни века сего» Богородица сама пришла на Соловки, чтобы «водвориться во святем дому своем».[38]

[38] Здесь же приведено сравнение этой истории с добровольным уходом другой иконы Богородицы («Римляныни») из Рима в Константинополь во время гонений на веру.

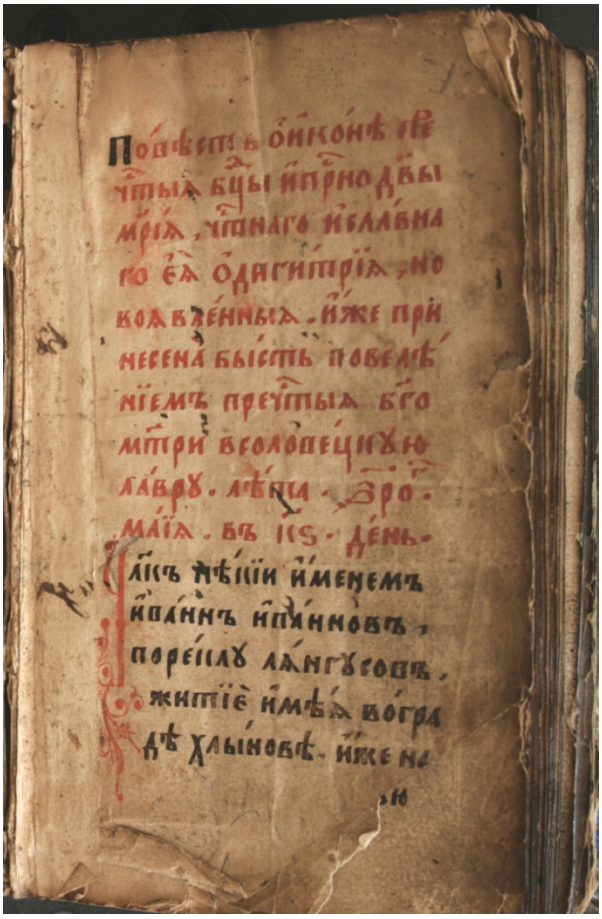


«Память» вятчанину Ивану Лянгусову о доставке иконы Одигитрии на Соловки с печатью соловецкого архимандрита

Что же касается идеи старообрядческого сложения перстов на иконе Богородицы, то она появилась лишь в более поздних редакциях текста. Впрочем, я далек от мысли, что эту версию выдумали сами книжники круга архимандрита Никанора. Совсем не так: икона Богородицы действительно имела изображение благословляющего знамения, о чем свидетельствуют монастырские описи, сохранившиеся в документах Соловецкого архива.[39] Но создатели первоначальной редакции (предназначенной для отправки в Москву), по-видимому, не хотели делать акцент на старообрядческом жесте иконы, чтобы не вызвать отрицательной реакции московских властей. Поэтому они сообщили об этом жесте другим способом: указали на тип этой иконы – «*Одигитрии Смоленской*», находящейся *в Казани*. Для посвященных этого было достаточно, ведь они знали, что чудотворная икона Богородицы этого типа изображается с древним – дониконовским –

[39] Эта икона и ее драгоценный оклад подробно описаны в «Книге ризной казны Соловецкого монастыря» 1668 г.: ««Образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия Вятцкая *з благословляющею рукою*: оклад сребрян басменого дѣла, венецъ и цата сребряные резные, а в венцѣ 14 жемчюжин да 4 яхонта, да у той же иконы 9 крестовъ сребряных мужских и женских...» и т. д. (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН, оп. 2, д. 145, л. л. 22 об.–23).

благословляющим знамением.[40] Что же касается более поздних редакций этого сказания, то в них старообрядческий смысл иконы был раскрыт уже без всяких недомолвок.



Поздняя редакция Сказания об иконе Одигитрии, благословляющей двуперстным знамением

Повесть о «видении» инока Ипатия

Во второй половине 60-х гг. – после Московского собора 1666-1667 гг., осудившего старообрядцев, – на смену жизнеутверждающим сказаниям начала 60-х гг. пришли повести другого рода: о «страшных видениях» апокалиптического характера, предвещающих близкий конец света. Как известно, жанр подобных «видений»

[40] Смоленская икона в Казани прославилась чудесами в 1654–1656 гг., когда с ее помощью было прекращено страшное моровое поветрие. Поэтому в более поздних редакциях Сказания о перенесении копии этой иконы на Соловки в 1662 г. она называется «*новоявленной*». Сама чудотворная икона хранилась недалеко от Казани, в Седмиезерной пустыни. Поэтому она именуется также «Седмиезерной» (*Знаменский П. В.* Описание Седмиезерной Богородицкой пустыни // Православный собеседник. 1869. № 11. С. 212–252; № 12. С. 297–319; *Бусева-Давыдова И. Л.* Богоматерь Седмиезерная. К вопросу о сложении иконографического типа // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М. 1996. С. 363–384).

сопутствует эпохам духовных смятений, которые А. М. Панченко назвал эпохами «национального и православного пессимизма».[41] В такие периоды общественное сознание проявляет себя в форме мистических «откровений», в которых отражаются основные религиозные представления эпохи.

Важнейшие из представлений соловецких старообрядцев нашли отражение в «Повести о видении инока Ипатия» (1667 г.), созданной незадолго до начала Соловецкого восстания (1668–1676).[42] Основная коллизия в этой повести заключается в борьбе «старой» и «новой» веры за души соловецкой братии.

«Новая вера» представляется Ипатию в образе огромной книги, которую составлял сам сатана с еретиками во аде в течение 30 лет; и которая уже растлила Рим, Грецию и Русскую землю – и теперь он прислал ее на Соловки, чтобы смутить и это святое место. Принесшие ее два беса сбросили ее на крыльцо собора; и многие из братии, прикоснувшиеся к ней, умерли. Тогда ангел Господень велел отнести ее в сокровенное место, чтобы спасти остальных.

Тайнозрителю является Господь во облаке, который призывает соловецкую братию пострадать за веру. Называя их своими «новыми исповедниками», он обещает сохранить Соловецкий монастырь и утвердить его «как столп от земли до неба». Если они устоят в вере, он собирается поставить его на воздухе и наречь «Новым Иерусалимом».

Затем Ипатию является преподобный Зосима Соловецкий, который также призывает не принимать «новой веры» и говорит, что за их монастырь молится пресвятая Богородица. Ипатий видит Богородицу в огненном облаке, умоляющую Сына Своего отвратить от них праведный гнев свой. После этого Зосима указывает ему на ангела с молнией в руке, который стоит над монастырем, оберегая его от демонов и злых людей.

Как видим, в этом сказании отразилось сразу несколько упомянутых выше идей. Среди них – идея «новой веры» в образе смертоносной книги; идея «трех отступлений» от веры Христовой; представление о том, что в мир уже пришел антихрист; уверенность в избранничестве Соловков как последнего оплота истинной веры; представление об особом покровительстве Божией Матери монастырю; и, наконец, идея о возможном спасении Соловков и уготованной им судьбы Нового Иерусалима.

Именно так соловецкие старообрядцы себя и воспринимали. Вероятно, это было связано с островным положением монастыря и его удаленностью, порождавшими

---

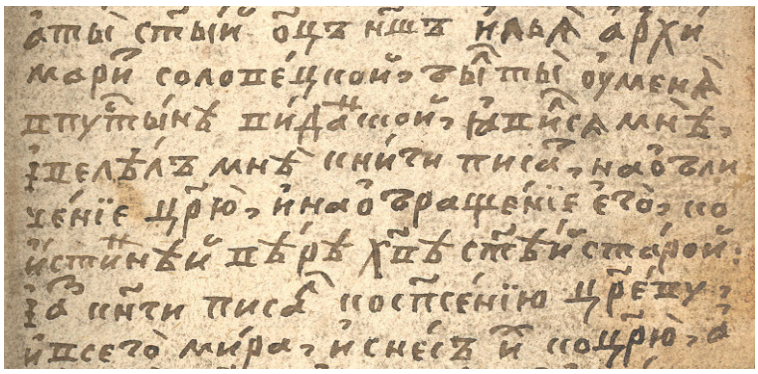
[41] См.: *Панченко А. М.* Литература «переходного века» // История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 298–300.

[42] *Чумичева О. В.* Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667-1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 285–292.

ощущение, что вот здесь и есть край света, последний островок истинной веры в мире, захваченном антихристом.

Вера в благочестивого царя

Раннее старообрядческое движение на Соловках, при всей его *антиниконовской* направленности, в то же время сохраняло надежду на обращение царя к правой вере.[43] Безусловно, это было связано с традицией русского «наивного монархизма»,[44] а также с памятью о том, что Соловецкий монастырь по своему предназначению был **«***царским богомольем***»**.[45] Моление за царя и его семью было главным делом соловецких монахов. (За это царь жертвовал монастырю обширные владения, которые должны были поддерживать материальное благополучие монастыря.) Поэтому соловецкие старообрядцы долгое время сохраняли веру в возможность воздействовать на царя «словом». Яркий пример этого находим в «Житии» соловецкого инока Епифания. Как рассказывает он сам, когда он находился в пустыни, проходя высший подвиг монашеской жизни, ему явился в видении святой архимандрит Илья (к тому времени уже умерший) и велел написать книгу «на обличение царю и на обращение его ко истиннѣй верѣ Христовѣ, святѣй, старой» (*см. иллюстрацию*).[46]



О явлении Епифанию архимандрита Ильи с повелением писать книги «на обличение царю» (Автограф инока Епифания в Пустозерском сборнике).

---

[43] *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. С. 174–183.

[44] Там же. С. 179.

[45] Об этом писал, в частности, соловецкий священноинок Геронтий: «Сие *царьское богомолие* – Соловецкая обитель...» (Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого... С. 263). О понятии «царское богомолье» см: *Буров В. А.* Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблмы истории великой северной обители (XV–XIX века). М.; Архангельск, 2013.

[46] Там же. С. 93.

Следуя его повелению, Епифаний написал книгу «ко спасению цареву и всего мира» – и отнес ее в Москву. Там ему даже удалось передать ее царю. Но вместо «спасения царева» ему отрезали язык и отправили в ссылку в Пустозерский острог.[47]

Как видим, в случае с Епифанием надежда на «спасение» царя потерпела неудачу. Подобным образом были отвергнуты царем и все моления соловецкой братии, просившей только об одном: сохранить в их монастыре богослужение по уставу его святых основателей. Отношение к царю постепенно эволюционировало. Иллюзии прошли, и со временем пришло и понимание личной ответственности царя за гонение на старую веру.

Особенно ясно это стало зимой 1667 г., когда царь отобрал у монастыря все его владения и установил морскую блокаду Соловков. А затем – летом 1668 г., когда он прислал в монастырь войска. Но монахи, как известно, затворили ворота обители и царского войска в нее не пустили. После этого началась 8-летняя осада монастыря-крепости.

Настроение этого периода лучше всего отражает одна из повестей в сборнике, созданном в кружке архимандрита Никанора (о чем свидетельствуют редакторские пометы дьякона Иеремии). Действие этой повести относится к лету 1668 г., когда монастырь только что «заперся».

Повесть о «видении» работника Соловецкого монастыря о пророчестве Зосимы и Савватия царю

В ней рассказывается еще об одном «видении», свидетелем которого стал «старый и благоговейный» работник Соловецкого монастыря. Он рассказал, что был «восхищен некоей божественной силой» и оказался в Москве у Покровский ворот. Там он увидел царя и преподобных чудотворцев Зосиму и Савватия, которых люди называли «соловецкими челобитчиками». Подойдя к царю, они сказали: «Пощади, государь, нашу обитель». И предостерегли его: «А если ли не пощадишь, то время преставлению *света сего* быти». Услышав это пророчество, царь дал согласие сохранить богослужение на Соловках по старому обряду.

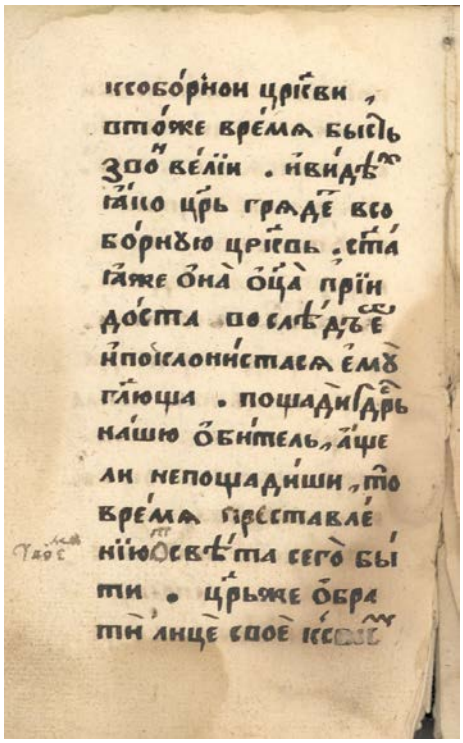
Примечательно, что в рукописи, сохранившей для нас эту повесть, позднейший редактор *добавил два слова* (более светлыми чернилами), которые полностью изменили

[47] Житие инока Епифания // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17. С. 245–246.

смысл всего текста: «Пощади, Государь, нашу обитель. А если не пощадишь, то время преставлению ***твоему от*** света сего быти» (*см. иллюстрацию*)[48].

В результате этого исправления пророчество об *общем конце света* было заменено предсказанием о связи судьбы Соловков *с личной судьбой царя*. По-видимому, позднейший редактор, сделавший это исправление, уже знал о разгроме Соловецкой обители и о скоропостижной кончине царя Алексея Михайловича – последовавшей ровно через неделю после гибели защитников монастыря (!). Причем царь предстал на Божий суд в тот самый день, когда Церковь отмечает память *Страшного Суда* (!).

Таким образом, позднейший редактор нисколько не погрешил против истины, внеся это важное уточнение в текст. Оно позволило ему скорректировать первоначальную идею повести (сугубо эсхатологическую), связав ее – в новом прочтении – с идеей о *личной ответственности царя* за судьбу Соловков и с идеей возмездии Божия царю-мучителю.[49]


иссобо́рнои цр҃ькви ,
ѿто́же вре́ма бысть
зѡ́ве́лїи . и҆ви́дѣ
гдⷭ҇ь цр҃ь гра́дѣ всо
бо́рнꙋю цр҃ькꙋ . ста
гдⷭ҇ѧже ѻ҆на ѻ҆ца̀ прїи
до́ста по слѣ́дꙋѥ
и҆поклони́стасѧ ѥмꙋ̀
глюща . пощади гдⷭ҇ь
на́шю ѻ҆бни́тель , а҆ще
ли непощадѝши , то
вре́ма преставле
нїю свѣ́та сего̀ бы
ти . цр҃ьже ѻ҆бра
тѝ лицѐ своѐ ісⷭ҇ъ

«Видение» о пророчестве Зосимы и Савватия Соловецких царю.
На левом поле и в строке добавлены два слова: «твоему от» (света сего).

---

[48] В рукописи в 3-й строке снизу слово «твоему» добавлено на поле слева, а предлог «от» вставлен в самой строке.

[49] Идея отмщении Божия за гибель Соловецкого монастыря нашла отражение и в сочинениях других современников царя Алексея Михайловича: протопопа Аввакума, его «сына духовного», дьякона Федора (см.: «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному» // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 190–254). Позднее эту же мысль повторил Семен Денисов в «Истории об отцах и страдальцах соловецких».

Вопрос о немолении за царя

В более поздний период осады Соловецкого монастыря его защитникам стало окончательно ясно, что царь Алексей Михайлович и есть их основной «гонитель». Встал вопрос о допустимости моления или немоления за царя, вызвавший среди братии серьезные разногласия. Одни служили молебны за царя и членов его семьи, надеясь привести его с помощью молитвы к покаянию. Другие считали царя «предтечей антихриста», за которого молиться нельзя. К числу первых принадлежали большинство священников монастыря – Геронтий, Павел, Митрофан, Амвросий. И только священник Леонтий, старший среди других по возрасту, занимал более радикальную позицию. По донесениям монахов, вышедших из монастыря, Леонтий говорил «про великого государя неистовые слова, [которые] не только написать, но и слышать страшно».[50] Он прекратил «богомолие» за царя и отслужил молебен о том, «чтобы за великаго государя Бога не молить».[51]

Дважды, на монастырских соборах в 1669 и в 1673 г., соловецкая братия принимала решение прекратить моление за здравие царя и царской семьи.[52] Впрочем, упомянутые выше священники этому решению не последовали. Осенью 1674 г. сотники Исак Воронин и Самойло Васильев, руководившие обороной крепости, заявили, что не будут защищать ее, если священники не прекратят молиться за царя.[53] Но и это их не остановило. Дело закончилось высылкой непокорных священников из монастыря. [54]

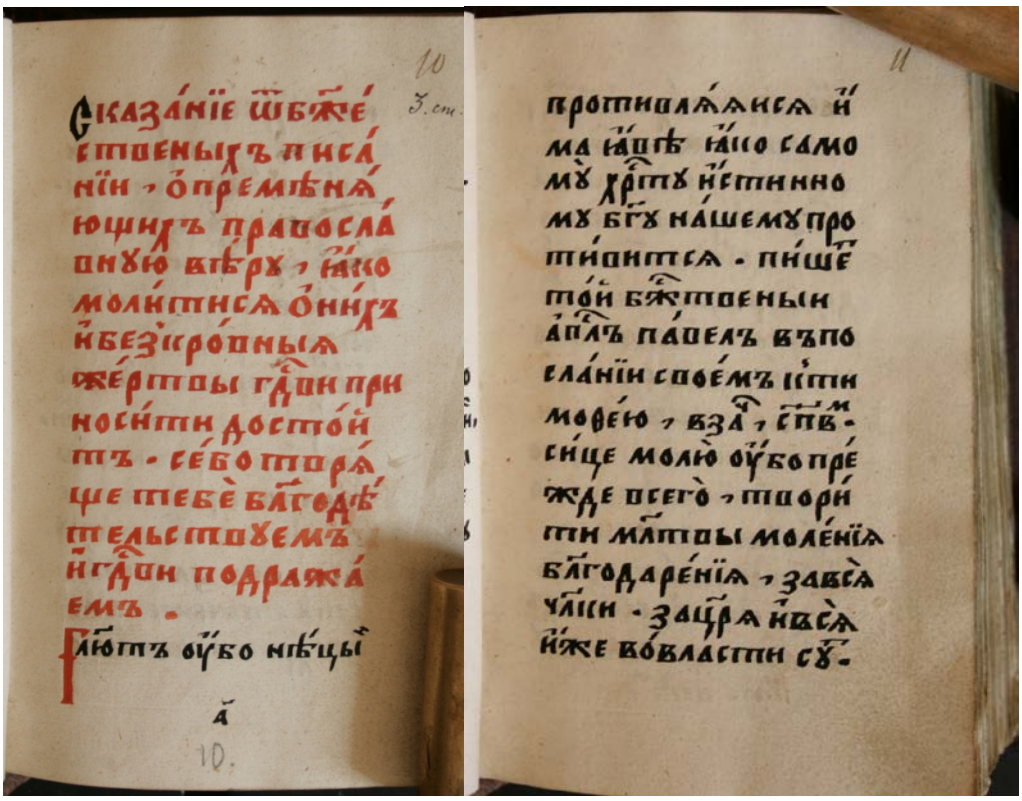
[50] Материалы для истории раскола... Т. 3. С. 340.

[51] Там же. С. 350–351.

[52] РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669 г., д. 5, л. 101; Материалы для истории раскола... Т. 3. С. 337.

[53] Там же. С. 328.

[54] Там же. С. 194, 340–341..



«Сказание от божественных писаний» об изменяющих православной вере, «яко молитися о них достоит» (Сол. 895/1005).

Среди соловецких рукописей, созданных во времени осады, я обнаружил сочинение на эту тему – о необходимости молиться за изменивших православной вере и совершать за них литургии (*см. иллюстрации*). В подтверждение этого автор приводит призыв апостола Павла «молиться за вся человеки, *за царя* и вся, иже во власти суть», ибо Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2: 1–4). «Творя так, – говорится в заглавии, – мы и себе творим благо, и подражаем Господу». Упомянутая рукопись происходит, скорее всего, из кружка архимандрита Никанора (так как в ней встречаются пометы его ученика дьякона Иеремии).

Крайние формы старообрядческого движения на Соловках

По духу движение соловецких старообрядцев имело характер пламенный, принимая порой крайние формы. К ним следует отнести, например, отношение соловецких монахов к православным грекам и украинцам *как к еретикам*. Традиция эта была положена еще при патриархе Филарете, деде царя Алексея Михайловича, который

считал, что православные украинцы и белорусы крещены не канонично – «обливанием» вместо троекратного погружения, и ввел правило их повторного крещения.[55]

Мнение о неправославии украинцев и белорусов утвердилось среди соловецких монахов в связи с искаженным восприятием ими теории «трех отступлений», что во многом обусловлено самим текстом «Книги о вере». В нем о «втором отступлении» рассказывается дважды, причем в первый раз говорится, что к «западному костелу» отступили одни униаты, а во второй раз – не совсем неточно сказано, что к нему отступили «жители в Малой Руси» (под которыми можно понимать как униатов, и православных украинцев)[56] В результате неудачно выраженной мысли в «Книге о вере» подозрение в отступлении от православия легло на всех жителей Малой Руси.

Не меньшее недоверие испытывали соловецкие старообрядцы и по отношению к единоверным грекам. В частности, в Пятой соловецкой челобитной (1667 г.) сказано, что на Соловках побывало много ссыльных греческих иерархов – «и ныне есть» – которые не знают ни истинного благочестия, ни иноческого устава, ни церковного и келейного правила, пока не научатся этому в Соловецком монастыре. Как уверяет автор челобитной, многие из греков «и лица своего перекрестить по подобию не умеют; а иных ссыльных старцев гречан привозят к нам без крестов, и кресты накладываем на них здесь, у себя во обители».[57]

Действительно, в начале осады в монастыре находилось 4 ссыльных грека (митрополит и три афонских монаха) и один украинский игумен. После того, как монастырь «заперся», отношение к ссыльным резко изменилось. Их отлучили от церкви, называли «неверными и некрещеными бусурманами» и хотели крестить.[58] Им запретили ходить в общую трапезную и выдали отдельную посуду для еды и питья, поскольку «еретикам» с православными «из одних сосудов нельзя ни пить, ни есть».[59] По словам

---

[55] По инициативе патриарха Филарета в 1620 г. на архиерейском соборе в Москве был принят «Указ, како изыскивати» о крещении у «белорусцев» (т.е. нынешних украинцев и белорусов), приходящих из Польши и Литвы в Московское государство. Список этого указа, переписанный из Большого Потребника (1651 г.), был помещен в Геронтиевском сборнике (РГБ, ф. 98, собр. Егорова, № 706, л. 398–412).

[56] Книга о вере. М., 1648. Л. 271, 272 об.

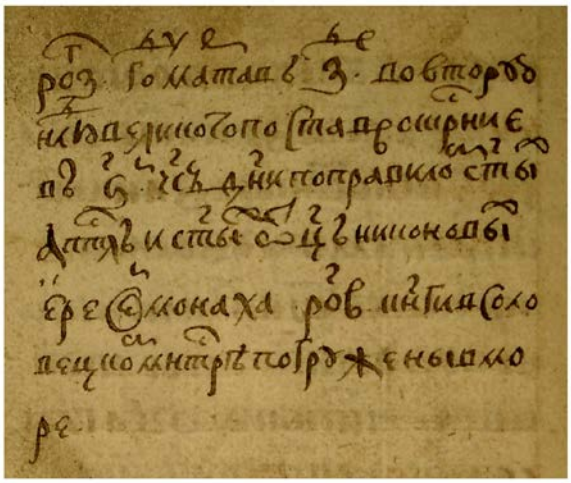
[57] *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. С. 323–324.

[58] Распросные речи опальных людей, высланных из Соловецкого монастыря, митрополита Макария Гревенского, игумена Виктора, старца Кирилла и старца Герасима, 1669 г., июня 19 // Соловецкие акты / Подгот. С. К. Богоявленским. Б. м., б. г. Стб. 78–79.

[59] По-видимому, соловецкие старообрядцы руководствовались в этом случае примером Феодосия Печерского, который писал в «Послании князю Изяславу о вере латинской», что с детства приучен «вере латынской не приобщаться <...> и из одной посуды не есть, и не пить с ними, и не брать у них пищи»

ссыльных, соловецкие старообрядцы пошли еще дальше: они называли церкви в Москве и в остальной России «костелами», а вселенских патриархов – «латышами» («католиками») и «курятниками» (имея в виду известие о том, что Иерусалимский патриарх Паисий ест куриное мясо).[60] Кроме того, соловецкие старообрядцы утверждали, что в Великой Росии «везде нечестивая вера» и что благочестие сохранилось только у них в Соловецком монастыре.[61]. В конце концов, через два года восставшие выслали ссыльных из монастыря.

К другим крайним проявлениям старообрядческого движения на Соловках относится сожжение книг никоновской печати и уничтожение четырехконечных крестов, которые были заменены восьмиконечными.[62] Известный соловецкий книгописец Козьма Вологжанин, принимавший участие в этой акции, оставил запись об этом в одной из дошедших до нас книг: «177-го [1669] году марта в 7 день, во вторую неделю Великаго поста, в воскресение в 6 час дни, по правилом святых апостол и святых отец, Никоновых ересей монаха 172 книги в Соловецком монастыре погружены в море» (*см. иллюстрацию*).[63]



Запись об уничтожении книг никоновской печати в сборнике Соловецкого собрания № 670/728.

(Феодосий Печерский. Послание к князю о вере латинской / Подгот. текста, перевод и коммент. Н. В. Понырко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 448–453).

[60] Сведения о том, что Иерусалимский патриарх Паисий употребляет в пищу курятину, сообщил соловецким инокам ссыльный Арсений Грек (см. «Повесть об Арсении Греке» в кн.: *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. Часть 2: Сочинения Арсения Суханова // ЧОИДР. 1894. Кн. 2. С. 117–120; *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. С. 288–290).

[61] Соловецкие акты. Стб.79.

[62] Материалы для истории раскола… Т. 3. С. 327, 335; Соловецкие акты. Стб. 79, 82, 84, 87; *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. С. 84–85.

[63] Сборник РНБ, Соловецкое собр., № 670/728, л. 114 об.

По другим сведениям, было уничтожено более 300 книг, признанных еретическими: Евангелий, Апостолов, Библий, Служебников, Триодей, Псалтырей и Часословов. Причем, среди них оказались и книги «старой киевской печати».[64] Книги свезли на берег моря и разъяли на части: порознь – книжные блоки, доски переплета и гравированные изображения Христа и святых. После этого книги утопили в море, доски сожгли на огне, а иллюстрации разорвали на части и тоже утопили.[65]

О значении «стояния за веру» соловецких старообрядцев

В заключение следует сказать, что конфликт государства и защитников «старой веры» в XVII в. проявил некоторые важные черты русского религиозного сознания – его достоинства и слабости. К слабостям следует отнести, по крайней мере, две черты, унаследованные из Византии: обожание царя и уверенность в исключительной правоте своей веры.[66] В то же время к несомненным достоинствам следует отнести способность отстаивать свою веру и сопротивляться духовному насилию со стороны государства и даже самому государю. Результатом этого стал важный шаг в освобождении религиозного сознания русских старообрядцев от слепой веры в царя.

Как показал протест соловецких старообрядцев, главной ценностью для народного православия в XVII в. оказалась преданность вере отцов и право свободно ее исповедовать. Об этом двуединстве *традиционности* и внутренней *свободы* религиозной жизни писал главный идеолог соловецких старообрядцев Геронтий, вздыхавший о «*древней свободе* благочестия нашего».[67] Этими словами он закончил основную часть своего трактата «противу новых книг»: «Нас же сподобит Господь Бог по неизреченной его благости *древнюю свободу* благочестия нашего в радости видети, и *от гонящих ны свободном быти*,

[64] Сожжением книг руководил келарь Азарий. Книги были собраны из монастырской казны и из келейных библиотек монахов. Монахам за отобранные у них книги были возвращены деньги (Соловецкие акты. Стб. 79).

[65] Соловецкие акты. Стб. 79, 82, 87–88, 119–120, 159.

[66] Современный историк Соловецкого монастыря монахиня Никона Осипенко назвала вторую из этих черт «национальную гордость»: «В общественном самосознании XVII века Русь считала себя преемницей Византии и хранительницей православия <…>, отсюда и ощущение себя лично последними поборниками православной веры» (*Осипенко М. В.* Соловецкая обитель: история и святыни: Книга паломника. Соловки, 2014. С. 145–146).

[67] Напомню, что в этом контексте слово «благочестие» означает «вера».

и в мире и тишине дни наша проводити, и *предание начальников наших* <…> и всех святых без приложения и отъятия сохранити». [68]

Как видим, Геронтий декларирует здесь свободу веры, что для России XVII века очень смело. Конечно, речь здесь идет не о собственно религиозной свободе, а о свободе следовать древней традиции. Но и это уже немало. Ведь это все же свобода как отстаивание права идти своим путем, сохраняя духовную независимость от воли царя и духовных властей.

Что же касается осадного «сидения» соловецких старообрядцев, то это был тот редкий случай в русской истории, когда у людей, имеющих веру, была возможность ее защитить, причем не только с помощью молитвы. Этому способствовало островное положение монастыря, крепостные стены, поддержка поморского населения и твердость духа самих защитников старой веры.

О значении сопротивления Соловецкого монастыря для развития культуры Русского Севера прекрасно сказал Д. С. Лихачев: «Соловецкое восстание имело огромное значение – в укреплении старообрядчества на севере России. Несмотря на то, что восстание было жестоко подавлено, а может быть, именно благодаря этому оно послужило укреплению морального авторитета старой веры среди окружающего населения, привыкшего видеть в Соловецком монастыре одну из главных святынь православия».[69]

«Стояние за веру» соловецкой братии дало толчок к дальнейшей духовной эмансипации старообрядцев от государственной власти, а также к распространению грамотности в старообрядческой среде. Благодаря этому русский Север в XVIII–XIX веках «был почти сплошь грамотным, и в крестьянских семьях существовали большие библиотеки рукописных книг».[70] Среди них в числе наиболее почитаемых были списки «Истории об отцах и страдальцах соловецких», повествующей о героическом сопротивлении соловецких старообрядцев в XVII веке.

---

[68] Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого... С. 269.

[69] *Лихачев Д.С.* Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 31.

[70] *Лихачев Д. С.* Историческое самосознание и культура России // Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 21–31.